

Юрий Нестеренко
Отчаяние

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=567625
Русская фантастика – 2011: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-46732-7

Юрий Нестеренко

Отчаяние

Да, это он, верхний предел, апофеоз отчаянья!

М. Щербаков

*Что, если, доверчиво блуждая в темных подземельях мироздания,
вы обнаружите истины столь ужасные и отвратительные, что
знание их обратит все ваше существование в бесконечный кошмар?
«Рильме гфурку»*

*Все маршруты ведут замерзших
В вечный холод и пустоту.*

«Fleur»

Вначале была тошнота. Не резкая тошнота отравления, подступающая к горлу рвотными спазмами, но и дающая в то же время надежду на последующее облегчение, а вязкая, муторная тошнота слабости после долгого тяжелого сна в душном помещении. Наполняющая едкой ватой грудь, сухой гадостью – рот и пульсирующим свинцом – голову. С одной стороны, меньше всего в таком состоянии хочется встать и вообще шевелиться. С другой – понимаешь, что, если продолжать лежать, голова разболится уже по-настоящему. Так что надо все-таки пересилить себя и встать. И неплохо бы открыть форточку, даже если на улице зима...

Это были его первые осознанные мысли. Вслед за осознанием пришло удивление: он понял, что действительно не помнит, какое сейчас время года. Пока удивление превращалось в беспокойство, а беспокойство – в страх, он обнаружил, что не помнит, что было накануне... или до этого... или... он тщетно пытался выхватить из памяти хоть какой-то фрагмент своей жизни, но наткнулся лишь на пустоту. Или (это ощущение пришло чуть позже) на глухую стену, отсекающую его прошлое. Впрочем, с настоящим дело обстояло не лучше. Он не знал, где он находится и как здесь оказался.

Не знал, кто он и как его зовут.

Усилием воли он придавил растущую панику. Надо проанализировать, сказал он себе. Он может мыслить, это уже хорошо. Я мыслю, следовательно, я существую... Фраза пришла откуда-то издалека, скорее всего, она не сама родилась в его мозгу. Значит, в стене существуют трещинки, через которые что-то просачивается, и если последовательно их расширять... расковыривать... раздирать...

Он открыл глаза.

Зрение подтвердило то, о чем уже информировало осязание: он лежал на довольно-таки жесткой койке, где не было ни простыни, ни одеяла, ни подушки. Только что-то типа клеенки... грязной и липкой клеенки под его голым телом. Впрочем, не совсем голым... кое-где на нем какие-то тряпки и лоскуты, но это непохоже на одежду. Рассмотреть подробнее было сложно – приходилось пригибать подбородок к груди, отчего сразу начинало ломить шею и затылок, и к тому же свет в помещении был слишком тусклым. Свет исходил из покрытого пылью прямоугольного плафона на потолке, горевшего явно вполсилы и к тому же неровно: дрожащее, агонизирующее освещение. «Аккумуляторы на последнем издыхании», – пришла еще одна чужая, «застенная» мысль. Аккумуляторы? Почему аккумуляторы? Разве дом не должен быть подключен к общей электросети?

Все же даже такое освещение позволяло разобрать, что комната совсем невелика. За исключением койки в ней были лишь шкаф у противоположной стены и столик у стены

между ними. В четвертой стене находилась дверь, и еще одна – справа от шкафа. Окон не было вовсе. Пахло затхлостью, словно здесь никто не жил уже много лет.

Он наконец сел на койке (в висках и затылке сразу тяжело запульсировало), а затем встал на пол, с неудовольствием ощутив пыль и грязь под босыми ногами. Хуже того – стоило ему сделать шаг, как под пяткой что-то мерзко и влажно хрустнуло. Что-то, похоже, живое... точнее, бывшее живым за миг до того, как он на это наступил. Таракан? Очень может быть, что и таракан... бр-р-р, мерзость! Он брезгливо проволоч пятку по грязному полу, стараясь счистить останки этой твари. Затем подошел к шкафу и открыл дверцу. Внутри обнаружилось несколько пластмассовых вешалок, но никакой одежды.

Он направился к двери возле шкафа; интуиция подсказывала, что за ней – не коридор, а туалет. Когда он открыл дверь, свет автоматически зажегся с громким щелчком, заставившим его вздрогнуть. Действительно, там оказался совмещенный санузел – совсем крохотный, но освещавшийся несколько ярче, чем комната. Слева был унитаз, справа умывальник, а прямо – задернутая непрозрачной голубой занавеской ванна. Когда-то все это, должно быть, сверкало фаянсом и хромом, но те времена давно миновали. Кафеля не было, его заменял какой-то пластик. В более ярком, хотя и здесь тоже неустойчивом свете еще яснее видна была грязь на полу и подозрительные пятна на стенах. Пахло плесенью.

Он повернулся к унитазу и поморщился: сиденье и дно были в бурых потеках, давно, впрочем, засохших. Почему-то мелькнула ассоциация между отверстием унитаза и нижней челюстью черепа. Некоторое время он стоял, ожидая свершения обычного физиологического ритуала, но из него так и не вышло ни капли. Просто не хотелось. А вот пить хотелось. Точнее, не столько даже пить, сколько избавиться от мерзкого привкуса во рту.

Он развернулся к раковине. Она была не в лучшем состоянии, чем унитаз; на дне – не то песок, не то чешуйки ржавчины, и кран заляпан какой-то засохшей дрянью. Да, пить из-под этого крана он точно не будет. Но хотя бы ополоснуть лицо и руки... Он повернул ручку смесителя. Послышалось сдавленное сипение, словно из горла умирающего астматика, но воды не было. Вместо нее из крана посыпалась серая пыль. Затем звук изменился, словно воздух встретил дополнительное препятствие. Человек уже протянул руку, чтобы вернуть смеситель в исходное положение, но тут кран фыркнул и выплюнул целую пригоршню тараканов. Ударившись о дно раковины, они бросились врассыпную; некоторые, впрочем, бестолково заметались и закружились на месте.

Его первой, рефлекторной реакцией было отскочить, пока хлынувшие через край раковины насекомые не начали падать ему на ноги, однако он тут же сообразил, что надо закрыть кран, откуда уже лезли новые тараканы. Едва он успел это сделать, как почувствовал мерзкое щекочущее прикосновение – несколько насекомых, упавших на пол, карабкались на его лодыжки. Он исполнил нечто вроде судорожного танца на месте, стряхивая их, и отпрыгнул к унитазу, с отвращением глядя на разбежавшихся по полу тварей. Будь он в обуви, непременно передал бы всех – но сейчас мог лишь попятиться, насколько это было возможно в крохотной камере, и надеяться, что они не полезут на него снова.

«Смешно, – подумалось ему. – Я, человек, загнан в угол какими-то жуками. Они ведь даже не ядовитые». Тем не менее он не мог превозмочь свою брезгливость. Эти твари всегда вызывали у него непреодолимое омерзение. Всегда? Кажется, это еще одно воспоминание, прорвавшееся из его неведомого прошлого...

Но тараканы, видимо, тоже боялись человека. Вскоре они разбежались – какие-то прошмыгнули в комнату, какие-то – под занавеску; куда делись прочие, он не уследил. Он поднял взгляд от пола и посмотрел в зеркало над умывальником. Оно тоже было пыльным и грязным, но посередине красовался неправильный овал более чистого стекла (если это было стекло), словно кто-то торопливо протер себе окошко. Человек взглянул на себя издали, затем шагнул ближе, с неудовольствием изучая незнакомое нездорово-бледное помятое лицо

с глубокими тенями под глазами и неопрятными клочьями торчащих над повязкой волос. Повязкой, да. Его голова на уровне лба была неряшливо обмотана чем-то вроде несвежего бинта. Впрочем, нет – он еще более приблизил лицо к зеркалу, – это был не бинт с подobaющей ему ажурно-нитяной фактурой, а какая-то сплошная, плотная серовато-желтоватая ткань с рваными бахромчатыми краями. И такие же повязки и просто каким-то образом державшиеся – должно быть, присохшие – лоскуты были у него много где – на шее, на правом плече, на левом предплечье, на груди слева, на животе... а пальцы были в шрамах, словно в следах от колец...

Кажется, что-то проясняется. Он попал в аварию, получил травму головы (и не только), поэтому ничего и не помнит. Но где он в таком случае? В больнице? Архитектура здания явно отдавала чем-то казенным. Но если это и больница, то закрытая и заброшенная лет пятьдесят назад...

Крови на повязках не было. Боли под ними (он потрогал, сперва осторожно, потом сильнее) тоже. Однако попытка оторвать хотя бы длинный лоскут, сверху вниз пересекавший его живот, успехом не увенчалась. Сперва он просто потянул, увеличивая усилие до тех пор, пока не почувствовал боль, затем резко подергал, каждый раз расплачиваясь новым импульсом боли, – но повязка держалась намертво. Словно... словно выросла в его тело. Да нет, глупости, сказал он себе. Надо будет просто чем-нибудь ее отмочить... должна же здесь где-нибудь быть вода.

Он вновь поднял глаза к отраженному в зеркале лицу и вдруг отпрянул: по зеркалу (как ему показалось на краткий миг – прямо по его лицу) снизу вверх пробежал здоровенный таракан. На сей раз – в считанных сантиметрах от его глаз. И теперь он ясно увидел, что с этим насекомым что-то не так. Во-первых, таракан был не рыжим и не черным, а каким-то бледным, тошнотворно-белесым. Во-вторых, он был слишком большим для домашнего таракана. И, главное, у него было семь ног. Не шесть, как у всех насекомых, и даже не восемь, как у паукообразных, а семь. Три слева и четыре справа.

Мерзкая тварь вдруг замерла посреди зеркала, словно специально давая изучить себя и убедиться, что никому ничего не мерещится. Преодолевая себя, человек некоторое время смотрел на выродка. Нога не была оторвана – конечности действительно росли асимметрично и, кажется, даже были разной длины. Человек беспомощно огляделся по сторонам в поисках предмета, которым можно пришибить уродца, затем сердито напомнил себе, что имеются и куда более важные проблемы. Он повернулся к еще не обследованной ванне. После всего уже увиденного особых надежд на работающий душ он не питал, но все-таки отдернул занавеску.

И замер. Стену над ванной пересекала размашистая надпись, явно сделанная пальцем, щедро обмакиваемым во что-то темно-красное. Только одно слово: «ОТЧАЯНИЕ».

От неряшливых букв вниз тянулись давно засохшие потеки. Невольно проследив их направление, он опустил взгляд в ванну – и вот тут ему впервые захотелось закричать.

На дне ванны, красно-буром от засохшей крови (да, он больше не мог трусливо убеждать себя, что это вовсе не кровь), лежал вниз лицом голый мертвец. Мужчина, судя по всему не старый и в неплохой физической форме, хотя это его не спасло. В том, что это именно мертвец, и притом не первой свежести, сомневаться не приходилось; синевато-бледную кожу покрывали пятна белесой плесени. В то же время трупной вони почему-то не ощущалось. Не видно было и каких-либо ран с задней стороны тела – но лишившийся памяти не сомневался, что спереди они есть, и еще какие. Похоже было, что этого несчастного в буквальном смысле утопили в его собственной крови (слив был заткнут пробкой). Сколько крови во взрослом человеке – кажется, около пяти литров? Не так много, но захлебнуться можно и в тарелке супа... или же он раньше умер от кровопотери? Впрочем, смертельными могли быть и сами раны, из которых вытекло столько крови...

Отсутствие смрада, однако, вызвало мысль, что труп на самом деле может быть вовсе не трупом. А, скажем, манекеном. И вообще все это – какой-то идиотский розыгрыш, устроенный не в меру разошедшимися друзьями. Напоили, отвезли в какой-то заброшенный дом (но почему в заброшенном доме есть электричество и в какую эпоху строили дома без окон?), вымазали тут все краской, засунули куклу в ванну... А тараканы-мутанты? Что, среди его друзей есть специалисты по геной инженерии?

Однако даже это не объясняет потерю памяти. Человек, которого напоили, может напрочь не помнить, где и с кем он пил, – но ведь не всю свою предыдущую жизнь! Кстати, пил ли он вообще в той жизни? Может, он был идейным трезвенником? Он не мог вспомнить даже этого.

Все же он наклонился и неуверенно толкнул лежащее тело. Холодная скользкая кожа, покрытая редкими волосками, слегка поддалась под пальцами. Нет, это точно не резина или что-то подобное! Он брезгливо отдернул руку и, оглянувшись, вытер ее о занавеску – которая, впрочем, тоже отнюдь не производила впечатления стерильной.

От толчка правая рука мертвеца немного повернулась, и теперь ясно было видно, что ее пальцы в крови, особенно указательный – но не сплошь, а главным образом кончики. Видимо, зажатая между боком и стенкой ванны, рука не искупалась в кровавой луже на дне... тогда что получается – он специально макал ее в свои раны? Макал, чтобы сделать эту надпись? Если у умирающего есть шанс оставить последнее послание, хотя бы и таким способом, логичнее ожидать, что он напишет имя убийцы или что-то в этом роде...

Тот, в чьем сознании пронеслись теперь эти мысли, не решился вновь прикоснуться к трупу и уж тем более переворачивать его. Ему явственно представилось, что он может увидеть: кожа, сплошь покрытая кровью, жуткие резаные раны – судя по количеству крови, бедолагу буквально кромсали, – возможно, внутренние органы, вываливающиеся через эти разрезы... Нет, нет! Что бы здесь ни случилось, отсюда надо убираться как можно скорей, пока он не стал следующим!

Он выскочил обратно в комнату и рванул ручку двери, ведущей, по его представлениям, в коридор. Мелькнула ледяная мысль, что дверь окажется заперта, – и точно: она не пожелала открываться ни наружу, ни внутрь. Но прежде, чем паника окончательно захлестнула его, он присмотрелся к двери повнимательней и сообразил, что та просто сдвигается вправо. С новой попытки трудностей не возникло. За дверью действительно оказался коридор, скупо освещенный все такими же тускло мерцающими плафонами. Окон не было и там.

Тут он вспомнил, в каком виде выскочил из комнаты, и решил все-таки найти хоть какую-то замену одежде. Выбор был невелик – пытаться что-то соорудить либо из клеенки на койке, либо из занавески в ванной. Ситуация осложнялась тем, что ничего режущего у него не было, а рвать синтетический материал было бы непросто. Однако клеенку, как оказалось, кто-то уже уполовинил. Неужели с той же самой целью? Так или иначе, он свернул себе из оставшейся половины что-то вроде юбки. Не слишком надежно – если придется бежать, наверняка размотается и свалится... впрочем, если ему действительно придется бежать, у него будут проблемы посерьезней голой задницы.

Уже есть. Он пытался гнать от себя эту мысль, но та лишь накатывалась сильнее. Добром это не кончится, не кончится, это не может кончиться добром... «Отчаяние». Отчаяние, тоска и страх... да, вся атмосфера здесь (где?) к этому располагала. Но было еще что-то, помимо осознания того, что он проснулся (очнулся!) черт знает где, ничего не помня, по соседству с захлебнувшимся в собственной крови мертвецом... Покопавшись в куцем обрывке своей памяти, он с удивлением понял, что этим чем-то была мелькнувшая мысль о геной инженерии. Словно... словно он случайно задел больной зуб, до этого успокоившийся и не дававший о себе знать. Почему? Почему эта мысль вызывает у него такой страх? Может быть, эти повязки – результат не аварии, а биологических экспериментов? Каких-

то операций, сделанных против его воли? Хотя при чем тут генная инженерия? Генетики... насколько он мог вспомнить, генетики никого не кромсают, они оперируют на микроскопическом уровне... Или дело было даже не в геномной инженерии как таковой, а в чем-то, частью чего она являлась? В чем-то, чего (нет! нет! не надо!) он не мог вспомнить. Он снова попробовал, несмотря на разлившийся липким холодом страх. Нет. Не вспомнить. Пустота.

Он подошел к столику, до сих пор почему-то не удостоившемуся его пристального внимания, и обнаружил, что это не просто столик. Половину его занимал встроенный экран, а возможно, и еще какие-то устройства. Были ли там средства связи? Сейчас это уже трудно было сказать: все это было уничтожено, выломано и раскурочено с каким-то диким остервенением. Лишь сиротливо торчал из крошева оборванный световод...

Человек всмотрелся, насколько позволял тусклый свет. В оставшейся от экрана нише среди обломков электроники (фотоники, прорвалось из пустоты, электроника – устаревший термин) валялось нечто, что не походило на элемент схемотехники. Он поднял этот маленький, скругленный с одного конца предмет и поднес его к глазам. В следующий миг он с отвращением понял, что разглядывает сорванный человеческий ноготь; внутренняя сторона была в засохших кровавых лохмотьях. Неужели тот, кто здесь все ломал, орудовал ногтями? И дикая боль вырываемого с мясом ногтя его не остановила?

Потерявший память отшвырнул свой трофей и с тоской подумал, что ему не помешает хоть какое-то оружие. Тут же, впрочем, злобное подсознание заменило «не помешает» на «не поможет», но он попытался отогнать эту мысль. Хотя бы стул... ведь должен был быть в этой комнате стул? Но увы – стула нигде не было.

Он снова вышел в погруженный в мерцающий полумрак коридор, только теперь осознав, что коридор идет не прямо, а плавно загибается, образуя, по всей видимости, кольцо с довольно большим радиусом. В какую сторону идти – налево или направо? Куда ни пойдешь, все равно не разглядишь заблаговременно, что скрывается за поворотом... Он прислушался. Ни слева, ни справа не доносилось ни звука; гнетущую тишину лишь иногда нарушало электрическое потрескивание неровно горящих светильников.

Он пошел направо. Под ногами был все тот же грязный пол – сколько лет здесь не делали уборки? Впрочем, он уже не жалел, что приходится идти босиком, – это позволяло двигаться практически беззвучно. Слева тянулась глухая стена, справа – двери, подобные той, из которой он вышел. Или, может быть, не совсем подобные – судя по расстояниям между ними, не за всеми из них скрывались столь же маленькие каморки. Но у него не было желания заходить внутрь и наткаться там... черт его знает, на что там можно наткнуться. Его задача – выбраться отсюда как можно скорее, а значит, надо идти к выходу. Должен же где-то здесь быть выход?

Тусклый дрожащий свет нарушал ощущение реальности, мешал ориентироваться, создавая впечатление, что все это – просто кошмарный сон, в котором он так и будет вечно шагать по грязному мрачному коридору, не имеющему ни начала, ни конца. На какой-то момент он настолько уверился в этом, что принялся себя щипать. Разумеется, без всякого результата. Впрочем, припомнилось ему, на самом деле щипать себя – это предрассудок, болевые ощущения тоже могут сниться, правда, обычно они слабее, чем наяву, но спящий об этом не догадывается – а щипок и наяву не очень-то болезненен... Но если он столь логично размышляет о сне, то, наверное, все-таки не спит. Однако что, если он и впрямь уже описал по этому коридору полный круг и пошел по новой? Если выход за одной из этих одинаковых дверей... Или выхода нет вообще, тут же всплыло в голове. Да ну, бред! А разве не похоже на бред все то, что окружает его с тех пор, как он пришел в себя?

Эти мысли опутывали его липким холодным страхом, который он тщетно гнал от себя. Всему должно быть объяснение. Всему должно быть...

Да, конечно. Но кто сказал, что оно тебе понравится?

Он тряхнул головой. Надо было как-то пометить дверь, из которой он вышел, тогда бы он точно знал, пройден или нет полный круг. Пометить? Чем? Собственной кровью?

Да нет же, прикрикнул он на взметнувшуюся истерическую мысль. Оставить открытой, что может быть проще! А может, он так и сделал? Закрыл ли он дверь, когда вышел в коридор? В первый раз – точно да, естественное желание закрыться человека, сообразившего, что он голый... а вот во второй... он не мог вспомнить.

Тут же, впрочем, он получил доказательство, что еще не описал полный круг.

На очередной двери справа все в той же манере, буро-красным с потеками (кровью, признай уже это, кровью), было написано: «УБЕЙ СЕБЯ СЕЙЧАС».

– Обнадеживающе, – пробормотал он. Это было первое слово, сказанное им за то время, что он себя помнил. Обычно таким оборотом обозначают всю жизнь, но в его случае... черт, а ведь прошло, наверное, всего минут десять. Хотя у него ощущение, словно он блуждает по этому жуткому зданию не меньше часа... Ему не понравился звук собственного голоса. Какое-то хрипловатое карканье. Наверное, перед этим он молчал очень долго.

А может быть, наоборот – сорвал горло от крика?

Он замер в запоздалом испуге, прислушиваясь. Может, даже это его невразумительное бурчание привлечет каких-нибудь неведомых тварей из сумрака коридора? Или даже прямо из-за этой двери...

Но вокруг по-прежнему царил тишина.

Хр-р-р... щелк... хр-р-р... крак!

Человек вздрогнул от неожиданности. Один из плафонов впереди вдруг погас, погрузив свою секцию коридора во тьму. Что там за этой секцией дальше, не было видно из-за кривизны коридора. Очень легко было представить, что...

Человек напряженно ждал, вглядываясь в темноту. Нет, сказал он себе, плафон просто вышел из строя. При таком скачущем напряжении, явно далеко от номинала, это неудивительно. Он снова перевел взгляд на дверь. Вряд ли тот, кто оставляет подобные призывы, его друг. А если враг пытается тебя отпугнуть, глупо идти у него на поводу. Будь за дверью реальная угроза, едва ли его стали бы предупреждать о ней, даже таким экзотическим способом... Он дернул ручку – дверь покорно уехала в стену – и вошел.

Похоже, это была какая-то лаборатория. Вот именно что была. Здесь обнаружился тот же яростный разгром, что и на столике в его камерке, только в более крупных масштабах. Весь пол был усеян останками истерзанных, раскуроченных приборов, с мясом выдранных из стоек и стеллажей; теперь уже трудно было сказать, для какого вида исследований они предназначались. Тут же валялись обломки вращающегося стула, который неведомый вандал, видимо, пытался использовать в качестве кувалды, но пластик стула оказался слишком легким и непрочным для такого применения.

Потерявший память сделал несколько осторожных шагов, боясь поранить ноги. Но, кажется, осколков пробирок и предметных стекол здесь не было – насколько, конечно, можно было разобрать в таком хаосе и при таком освещении. Значит, скорее физика, чем биология или химия... хотя кто знает – отсюда могло осуществляться лишь дистанционное управление оборудованием в какой-нибудь герметичной камере... Среди обломков пластиковых корпусов и плат попадались какие-то металлические пластины, сердечники, катушки, обмотки – но, кажется, ничего, что можно было бы использовать в качестве оружия. И весь этот погром был учинен давно, обломки успели зарости пылью... пылью, почти скрывшей бурые пятна на полу. В углу возвышалась массивная металлическая станина некой установки, оказавшаяся не по зубам разрушителю. И на ее борту красовалась очередная надпись, сделанная все тем же образом: «ТЬМА БЫСТРЕЕ СВЕТА ХА ХА ХА». От последней палочки последней буквы «А» тянулась вниз струйка с каплей на конце. Прямо на этой капле сидел белесый

таракан... нет, скорее жирный круглый паук, словно бы выползший попить крови. Но на самом деле и струйка, и капля давным-давно засохли.

Брезгливо кривясь – пауков он жаловал не больше, чем тараканов, – человек все же подошел поближе, желая рассмотреть членистоногое. Окажется ли представитель другого вида таким же мутантом-уродцем или все-таки нормальным пауком? То есть уродство здесь – отклонение или норма?

Он приблизился медленно, не желая спугнуть тварь, но предосторожность оказалась излишней. Паук не двигался. Он был давно мертв. Так и присох к кровавой капле – похоже, ему не хватило ума убраться, когда она начала загустевать... Человек поднял с лабораторного стола обломок прозрачного полимера, некогда, вероятно, бывший частью экрана, иковырнул им высохшее белесое тельце. Паук упал на стол поджатыми ножками кверху. Ног, как и положено всем паукам, было восемь. Три справа и пять слева.

Человек вернулся в коридор. На сей раз он сознательно оставил дверь открытой. Для ориентации, сказал он себе, хотя на самом деле скорее для того, чтобы не видеть надпись на ней. Но стоило ему об этом подумать, как надпись со всеми ее потеками встала у него перед глазами. «Убей себя сейчас...» Что бы там ни было прежде, в этой лаборатории, пока что поводов для самоубийства он не видел. Для оптимизма, впрочем, тоже...

Внезапно человек вздрогнул, настигнутый новой волной липкого страха. Физика, лаборатория, мутанты – все это словно слилось вместе, выщербив из отсекавшей его память стены еще одно понятие: радиация. Что, если в этом все дело? Если это странное здание (исследовательский центр? клиника?) стало эпицентром некоей ядерной аварии, поэтому здесь все давно заброшено и весь этот затхлый воздух пронизан медленной смертью. Если мутировали даже насекомые и пауки, куда более устойчивые к радиации (откуда-то он это знал), то человек здесь наверняка обречен. Поэтому и «убей себя сейчас» – пока еще можешь сделать это без больших страданий. От лучевой болезни умирают в жутких муках...

Но зачем персоналу, спешно покидавшему здание после аварии, крушить оборудование? Злость на технику, которая подвела, конечно, понятна, даже ученый может сорваться, но когда для спасения дорога каждая секунда... И все эти кровавые надписи? Голый труп в ванне? Кто-то, кто забрел в запретную зону уже после катастрофы и слишком поздно понял, что наделал?

А может, не было никакой эвакуации? Может... их просто списали? Власти желали скрыть правду о катастрофе и никого не выпустили... Или все-таки не радиация, а какая-то биологическая дрянь, и они все оказались заражены... заражены и опасны... Кстати, способна ли радиация предотвратить разложение? А может, какой-то вирус как раз способен...

Но он? Кто в таком случае он? Кто-то из брошенного здесь персонала или подопытный? Как он мог выжить здесь столько времени – ведь с момента катастрофы, похоже, прошел не один год? Что он пил, что ел? Не тараканов же... От этой мысли его передернуло.

Есть ли другие выжившие? И чем грозит встреча с ними? Кто оставляет эти надписи? Сначала он думал, что слово «отчаяние» написал перед смертью тот человек в ванне. Но он истекал кровью, он не мог добраться в таком состоянии оттуда сюда или наоборот... а все надписи сделаны словно одной рукой. Тогда логично предположить, что это рука убийцы, – но где новые жертвы, чьей кровью писали здесь? Куда-то утащены, может быть, еще живыми? Зачем? А зачем надписи, зачем громить технику? Безумие, безумие...

Он вдруг почувствовал себя очень усталым. Не столько даже физически, хотя голова оставалась тяжелой, – бесконечная, безнадежная усталость накатывалась от этих попыток рационально обдумать положение, мучителен был сам процесс мышления. «Никто не выжил», – вырвалось вдруг, словно выдох агонии, из глубин сознания. Катастрофа затронула не только это здание, все гораздо, гораздо хуже, на свете вообще не осталось людей,

никого, только мутировавшие пауки и тараканы, и он никогда не выберется отсюда, никогда, никогда...

Он глухо застонал сквозь зубы, привалившись к покрытой чем-то липким стене, сам пораженный силой охватившего его отчаяния. Отчаяния, да. Не в таком ли состоянии делаются эти надписи? «Убей себя сейчас...»

Нет, он должен бороться. Он не позволит этому месту победить, чем бы оно на самом деле ни было. Надо искать выход («Нет! – испуганно пискнуло подсознание. – Не ищи, не надо, только ничего не ищи!») Надо искать, твердо повторил себе он и, собравшись с силами, заставил себя шагнуть во тьму неосвещенной части коридора.

Несколько мгновений он двигался вперед, осторожно переставляя ноги и каждый миг ожидая, что нечто холодное и скользкое из мрака вот-вот схватит его за лодыжку. Неосвещенный отрезок коридора оказался длиннее, чем он ожидал, – должно быть, произошло каскадное отключение нескольких светильников подряд. Но вот впереди из-за поворота забрезжил неровный свет. Еще несколько шагов – и...

Холодное и скользкое оказалось под его ногой и впилось ему зубами в ступню.

Пронзивший его импульс страха заставил его не отпрыгнуть, а замереть на месте – что было не слишком разумно. Однако паралич, длившийся пару бесконечно долгих секунд, позволил ему сообразить, что челюсти, разжавшиеся под его ногой, слишком вялые и совершенно не пытаются его кусать... и что он попросту наступил на лицо трупа.

«Убей себя сейчас». Неужели кто-то все же последовал совету? Или вернее все-таки, что кому-то помогли...

Голова мертвеца повернулась (не сама, запоздало сообразил он, это просто потому, что он давил на нее своим весом), и нога, соскользнув, ткнулась в пол. Но вместо привычной уже грязи и мусора он почувствовал под подошвой нечто иное. В следующий миг он понял, что стоит на длинных слипшихся волосах, раскинувшихся вокруг головы трупа. Это женщина?

Наверное, следовало более тщательно обследовать тело, хотя бы на ощупь, а лучше – вытащить на свет, но отвращение, а также страх, что убившее женщину может все еще таиться где-то здесь во мраке, перехлестнули любые рациональные соображения. Человек сорвался с места и помчался на свет, словно за ним гнались адские демоны. Его импровизированная юбка свалилась, но он рефлекторно успел подхватить падавшую клеенку. Через несколько мгновений он уже переводил дух, стоя под очередным мерцающим плафоном. Его никто не преследовал. В затхлом воздухе слышалось лишь его тяжелое дыхание.

Успокоившись – насколько это вообще было возможно в его положении, – он привел свое одеяние в порядок и снова двинулся вперед. Вскоре его усилия были хотя бы отчасти вознаграждены – справа открылся проход, уводивший, очевидно, к центру кольца. Но не успел он порадоваться этому зрелищу, как заметил нечто иное, далеко не столь обнадеживающее.

Это были кровавые следы босых ног, шедшие по коридору ему навстречу и сворачивавшие в этот самый проход. И не только ног... тут и там между отпечатками ступней темнели крупные кляксы, кое-где сливавшиеся в целые дорожки, похожие на следы огромных червей. Так что версию о том, что кто-то просто прошел по кровавой луже, приходилось отбросить. В этом случае, кстати, каждый следующий след был бы виден слабее предыдущего, чего отнюдь не наблюдалось. Нет, кровь текла ручьями по ногам шагнувшего, но он упорно шел вперед, преодолевая боль...

«Ладно, – подумал человек, – что бы с ним ни случилось, оно случилось там, откуда он шел, а не там, куда», – и свернул в проход.

Здесь свет горел совсем тускло. Некоторые плафоны периодически гасли совсем, затем – вероятно, когда какие-то конденсаторы успевали накопить заряд – со щелчком вспыхивали на краткое время. Эти вспышки не столько помогали, сколько слепили, мешая глазам при-

способиться к полумраку. Идущий почувствовал под ногой какой-то небольшой плоский предмет, скользнувший по полу; присев на корточки, он поднял эту штуку и встал под ближайшим плафоном, надеясь рассмотреть находку.

Это была небольшая, длиной примерно с ладонь, прямоугольная пластинка – скорее всего, металлическая, а может, и из твердого пластика. Определить точнее ее материал было трудно, ибо она вся была густо покрыта засохшей кровью. Кое-где к ней присохли короткие кудрявые волоски – скорее с тела, нежели с головы.

Когда нашедший разглядел это, его горло сжало коротким спазмом отвращения и он чуть было не отшвырнул пластину, но тут же заставил себя мыслить более здраво. Какое-никакое, а оружие... причем он, очевидно, был не первым, кому пришла в голову эта мысль. Один из углов пластины был остро заточен.

Человек принялся ногтями отскрести находку от крови. Пальцы почти сразу ощутили бороздки на одной из сторон. Кажется, на пластине была выдавлена некая надпись.

Наконец предмет был очищен целиком. Это оказалась табличка из золотистого металла (но явно не из золота, судя по весу). Надпись, сделанная определенно не вручную, состояла из единственного слова: «ГИПЕРИОН».

Он попытался вспомнить, что значит это слово. Поначалу сознание упиралось все в ту же глухую стену. Гиперион... гипер... гипер... кажется, это какой-то персонаж из греческой мифологии. (Минуту назад он не подозревал о самом существовании греческой мифологии.) Но это объяснение не удовлетворило его. Оно возникло слишком поспешно, словно пытаясь заслонить его от непонятного страха, плеснувшего со дна сознания. Страх перед чем-то, что едва ли имело отношение к Древней Греции.

Да и место, где он находился, могло быть чем угодно, только не музеем Античности.

Впереди сверкнула очередная вспышка, выхватив из мрака лежащее на полу тело.

Живой с опаской подошел к мертвому. В том, что лежавший был мертв, не было никаких сомнений – как и в том, что это именно он оставлял кровавые следы. Тело скорчилось в теперь уже засохшей луже крови, спиной вверх, с подсунутыми под живот руками. Вероятно, пытался зажать рану...

Но не это произвело самое тяжелое впечатление на потерявшего память. Человек на полу был практически голый – единственную его одежду составляла импровизированная юбка, свернутая из чего-то вроде грязной клеенки.

Точно такой же. Возможно даже, это и была вторая половина той самой.

«Значит... значит, он очнулся в той же комнате и пошел... я пошел по кольцу направо, а он, видимо, налево... и там с ним сделали это...»

Ледяной холод пронзил внутренности того, кто был еще жив, словно лезвие, расположившее живот его предшественника. Одна маленькая ошибка, стоило ему свернуть не в ту сторону... Кстати, сообразил он, и тот необязательно пошел налево. Он мог также пойти направо, но не свернуть в проход, а двинуться дальше по кольцу...

К горлу подступала тошнота, а резко вспыхивающий и гаснущий свет отнюдь не способствовал осмотру – но все же нужно было обследовать труп. Если он надеется получить хоть какие-то ответы и, главное, избежать такой же судьбы... если ее, конечно, вообще можно здесь избежать.

Он попытался перевернуть мертвое тело, но то словно сопротивлялось его усилиям. Он сообразил, что окровавленная кожа прилипла к полу, и потянул сильнее. С влажным треском труп отклеился от пола и повернулся на бок, а затем вяло перевалился на спину.

Живот был распорот практически от солнечного сплетения до паха. Липко блестящие внутренности жирно колыхнулись, вываливаясь из раны; какая-то черная слизь полилась на и без того изгаженный пол. Живой не выдержал и согнулся в приступе рвоты. Впрочем,

настоящей рвоты у него так и не получилось. Мучительные спазмы сотрясали и выворачивали его тело, но изо рта у него вышла лишь тонкая нитка кислой слюны.

«Сколько же времени я ничего не ел?» – мелькнуло в его сознании. Впрочем, голода он не чувствовал. Напротив, сама мысль о еде в таком месте чуть не вызвала новую серию спазмов.

Отдышавшись, он заставил себя вновь посмотреть на труп, то с беспощадной яркостью озаряемый очередной вспышкой, то снова становящийся едва различимым силуэтом во мраке. Вспыхивающий плафон каждый раз жутко отражался в вытаращенных глазах искаженного смертной мукой лица. И лицо, и грудь были перепачканы кровью, но, не ощупывая, трудно было понять, есть ли там раны. Однако, присмотревшись, потерявший память понял, что по крайней мере раньше они там были. На мертвце тоже были присохшие повязки, как и на нем самом...

Но главную рану никто перевязывать не пытался – да и невозможно было бы сделать это, не зашивая. Он снова посмотрел на распоротый живот. Как же этот бедолага умудрился идти в таком состоянии?! Разве что потому, что поддерживал клубок вываливающихся кишок руками...

Очередная вспышка озарила эти багровые руки со слипшимися пальцами, и новая мысль пронзила мозг потерявшего память. Нет, непохоже, чтобы этот несчастный пытался по возможности зажать и закрыть свою рану. Его скрюченные пальцы стискивали слизистые петли собственных кишок, впивались в них ногтями... Этот человек должен был причинять себе адскую боль. Но почему?! Совсем утратил разум на почве мучений, не контролировал себя в агонии? Однако реакция на боль – это уровень безусловных рефлексов, даже вцепившись в собственные потроха случайно, он должен был тут же отдернуть руку...

Внезапно в багровом месиве что-то дернулось и зашевелилось. Выживший подумал, что сейчас он точно сойдет с ума, если уже не сошел; ему показалось, что кишки мертвца зажали собственной жизнью и вылезают наружу. В этот миг снова погас свет.

Человек в ужасе отшатнулся, готовый бежать, не разбирая дороги, и налетел на стену коридора. Внезапность этого удара едва не свалила его с ног. Он удержал равновесие, схватившись за стену (плечо заныло от боли), и, развернувшись лицом в сторону неведомой опасности, на миг застыл. В наступившей тишине он услышал мерзкий влажно-липкий звук, словно кто-то лизал грязный пол большим клейким языком.

Опять вспыхнул свет. Мертвец лежал на прежнем месте без всякого движения, как и подобает мертвцу. Звук издавало нечто, извивавшееся на полу неподалеку от трупа. В первый миг и впрямь могло показаться, что это вылезшая кишка, зажившая своей жизнью. Но это была какая-то червеобразная тварь длиной примерно с предплечье; ее черное кольчатое тело жирно блестело и оставляло на полу кровавые следы. При первой вспышке человеку показалось, что тварь ползет прямо на него; он беспомощно вжался в стену, хотя, вероятно, мог бы раздавить и это существо одной ногой. Свет снова погас, но когда он опять зажегся, стало ясно, что тварь спокойно ползет мимо, не обращая внимания на охваченного паникой человека. Насколько он смог разглядеть, у нее не было ни глаз, ни рта.

Вот в чем дело, подумал он. Эта гадина завелась у того парня в кишках, и он... возможно, он даже сам располосовал собственный живот, пытаясь от нее избавиться. Углом вот этой самой пластинки с надписью «Гиперион»... Человека передернуло при мысли об этом; на какой-то миг он очень живо представил себе, как продельывает это сам. Безумие, конечно... безумие пытаться оказать себе такую «помощь» и пытаться выдрать тварь из собственных внутренностей, а потом еще и куда-то идти... но, наверное, муки, причиняемые ползающим в кишках гадом, были совершенно невыносимы. Как оно попало внутрь? Заползло через рот? Через задницу?.. Смех был совсем неуместен, но он нервно хихикнул. Нет, скорее всего, как и всякий паразит, проникло в пищевод в виде крохотной незамет-

ной личинки... Это еще более утвердило его в мысли, что даже если здесь и обнаружится какая-то еда, притрагиваться к ней нельзя. Впрочем (еще одно прорвавшееся воспоминание), кажется, есть какие-то микроскопические глисты, способные проникать в человека прямо сквозь кожу...

«Убей себя сейчас». Убей себя легким способом, пока с тобой не случилось вот такое... Это даже больше похоже на правду, чем версия с радиацией.

Но куда «легкий способ» девался потом? Почему этот человек не попытался, к примеру, просто вскрыть себе вены? Слишком медленно? Но так он наверняка промучился еще дольше... Все же надеялся остаться в живых? Или просто боль совсем лишила его способности мыслить здраво?

Потому что все бесполезно, пришла откуда-то (из-за стены?) невероятно тоскливо-усталая мысль. Мысль, показавшаяся древней, как само время. Все... бесполезно... отсюда нет выхода... даже такого... и следом накатывающей, нарастающей темной волной – отчаяние, отчаяние, ОТЧАЯНИЕ!!!

Человек хлестнул себя по щеке, дабы привести в чувство. Впился зубами в губу, пока не почувствовал соленый вкус крови. Спокойно, приказал он себе. Надо просто сохранять голову на плечах и рассуждать логически... Почему-то именно эта здравая мысль отозвалась новым всплеском ледяного ужаса у него в животе. Но он заставил себя задавить иррациональный страх и продолжил: «Об одной опасности я теперь знаю точно – членистые паразиты. Единственная ли она? Вполне возможно, что и тот тип в ванне, и женщина в коридоре – или это все-таки был парень с длинными волосами? – умерли от той же причины. Откуда взялись эти твари? Все-таки биологический эксперимент? И мы... едва ли мы его организаторы, раз мы все оказались тут без одежды. Но отсюда еще не следует, что наше положение было одинаковым. Может быть, не все потеряли память. Этот человек, так упорно шагавший куда-то с распоротым животом... скорее всего, он все-таки знал, куда идет, и надеялся получить там помощь».

Обойдя труп, он зашагал в прежнем направлении и вскоре достиг, судя по всему, центра кольца. Здесь коридор разветвлялся, огибая толстую колонну, пронзающую пол и потолок. Подойдя ближе, человек увидел в этой колонне закрытую дверь и две треугольные кнопки рядом. Лифт? Очень может быть... но связываться с лифтом при полудохлом электропитании было глупо. К счастью, двинувшись в обход колонны по левому коридору, человек обнаружил выход на лестницу. Лестница оказалась винтовой; она обвивала гигантский цилиндр, внутри которого была заключена и лифтовая колонна, и огибающие ее проходы. Этот цилиндр, очевидно, был заключен в еще больший, судя по форме внешней стены; никаких окон не было и здесь, освещение – те же плафоны, на сей раз вертикально расположенные на внешней стене. В эту стену, уместаясь между витками лестницы, уходил коридор, по которому он только что пришел и который наблюдал теперь снаружи. Странная архитектура... Плафоны и здесь горели тускло, но не белым, а красноватым светом, что делало картину еще более угрюмой.

Куда же теперь? Витки лестницы полностью перекрывали пространство между внутренней и внешней стенами, не позволяя, таким образом, увидеть, как далеко вверх и вниз тянется эта «резьба». Обычный опыт, не затронутый амнезией, подсказывал, что выход из здания, каким бы причудливым оно ни было, должен быть внизу, и человек уже сделал несколько уверенных шагов по ступенькам, но затем остановился. Что, если весь этот комплекс находится под землей? Отсутствие окон как раз наводило на такую мысль... особенно если речь о каком-то опасном и секретном проекте...

Он остановился, в нерешительности повернулся. И увидел на первой из ступеней, ведущих от площадки наверх, очередную кровавую надпись:

«НЕ ХОДИ ТУДА!»

Теперь у него уже не было прежней уверенности, что эти надписи оставляет некто, враждебный ему. Скорее всего – такие же жертвы неведомых экспериментаторов или же постигшей их катастрофы... что, впрочем, логично напомнил он себе, еще отнюдь не означает, что им следует безоговорочно доверять. Эти люди (жив ли кто-нибудь из них до сих пор?) могли ошибаться, могли, наконец, быть просто безумны... кто-то ведь крушил с остервенелой яростью приборы? И что там, кстати, было написано в разгромленной лаборатории – какая-то явная бессмыслица на тему тьмы и света...

Тем не менее он вновь развернулся и пошел вниз. Чуть было не побежал, тем более что лестница была достаточно крутой, но решил, что здесь надо все делать с осторожностью.

Лестница была такой же грязной и заброшенной, как и все в этом жутком месте. Может быть, даже еще грязнее – скорее всего в те времена, когда здесь все работало, персонал пользовался лифтом, а лестница предназначалась лишь для аварийных случаев. Оттого и освещение имело такой оттенок.

Он миновал несколько площадок с выходами (каждый раз замирая и прислушиваясь, прежде чем пройти мимо очередной двери), но решил дойти до самого низа. Если внизу окажется подвал, тогда он поднимется на уровень выше... Откуда-то возникла дурацкая мысль, что этот спуск неведомо куда по грязной лестнице сквозь зловещий красный полумрак напоминает сошествие в ад. Да, стало быть, концепцию ада он тоже вспомнил. Как, впрочем, и то, что никогда в нее не верил. «Чушь, – сказал он себе и на этот раз. – Здесь все совершенно материально. Даже эти чертовы твари-мутанты». М-да, «чертовы»... Впрочем, для адских демонов и неправильные членистоногие, и даже поселяющиеся в кишках членистые черви как-то мелковаты.

Наконец он достиг самого низа. Последняя площадка упиралась в полуоткрытые створки высокой раздвижной двери, ведшей не внутрь цилиндра, а вовне. Должно быть, дверной механизм заклинило в таком положении, или же дело было опять-таки в дефиците энергии. Однако оставшаяся щель была достаточно широкой, чтобы в нее пролезть. За дверью было абсолютно темно.

А на правой половине двери красовалась еще одна надпись, сделанная тем же способом в той же манере: «НЕ ДУМАЙ». О чем именно предлагалось не думать, осталось загадкой, так как часть двери ушла в стену. Человек попробовал сдвинуть с места тяжелую створку, но с тем же успехом он мог бы дергать скалу. Ладно. В конце концов, как известно, призывы не думать о чем-то конкретном на практике ведут к прямо противоположному результату.

Он постоял, прислушиваясь, потянул носом – никакого свежего дуновения, та же затхлая мерзость запустения, что и повсюду здесь. Наконец, набравшись храбрости и сжимая в руке свое единственное оружие – табличку с острым углом, – он протиснулся во тьму.

Слабая надежда на то, что какая-нибудь автоматика включит свет, не оправдалась. Если такая автоматика здесь и была, то не работала. Вернуться и поискать другого пути наружу? Но кто сказал, что такой путь есть или что он более безопасен?

Он постоял еще немного, слыша в темноте лишь быстрые испуганные удары собственного сердца, а затем, вытянув левую руку и ощупывая пол босыми ногами, все-таки двинулся вперед.

Через несколько... мгновений? минут? он не поручился бы, что правильно определяет время в таких условиях, хотя уже понял, что оказался в действительно большом помещении – пальцы его руки коснулись стены. Стена была пыльной, но под пылью чувствовалась гладкость пластика или какого-то подобного материала. Он двинулся вправо, ведя по стене рукой, наткнулся на какую-то вертикальную металлическую штангу, обошел ее, и рука снова провалилась в пустоту. Он пошел туда, пока не уперся в очередное препятствие...

Поначалу ему казалось, что он соблюдает направление, но, в какой-то момент обернувшись, он не увидел щели в дверях, через которую должен был сочиться свет с лестницы.

Ни там, где рассчитывал увидеть, ни вообще где-либо. С растущим ужасом он понял, что блуждает по лабиринту и забрел уже далеко от входа... а может быть, теперь окончательно погасло и аварийное освещение. Да что ж это за проклятое место?! Кому понадобилось строить здесь еще и лабиринт?!

Он снова попытался усилием воли задавить панику. Из любого лабиринта можно найти выход, нужно лишь все время идти вдоль правой стены... или вдоль левой, главное – раз решив, уже не менять это решение. Но стоило ему попытаться последовать этому принципу, как он убедился, что ходит вокруг огромного куба. Принцип работает только для топологически связного лабиринта... если он верно вспомнил, что такое топологическая связность...

В отчаянии он рванулся вперед, налетел в темноте на очередную стену и принялся бить по ней кулаком. Судя по звуку, стена была совсем тонкой (она даже слегка прогибалась под ударами), а за ней было пусто. Он попытался взрезать стенку углом таблички, но преграда, хотя и тонкая, оказалась слишком прочной.

«Это не лабиринт, – сообразил он. – Это какой-то склад, а я блуждаю между контейнерами!»

Впрочем, это открытие не сильно облегчило его положение. Он по-прежнему не имел понятия, как выбраться отсюда в полной темноте – хотя бы снова на лестницу, не говоря уже о том, чтобы наружу. Он попытался сдвинуть очередной контейнер, вставший у него на пути, но тот, конечно, оказался слишком тяжелым. А может, дело было в металлических штангах, на которые он периодически натыкался – кажется, они служили для того, чтобы фиксировать контейнеры на месте... Собразил он это или вспомнил? Неважно! Штанги! Склад явно был заставлен не под завязку, причем контейнеры, судя по всему, не были размещены в строгом порядке – но вот штанги должны идти через равные промежутки и, скорее всего, образуют прямоугольную сетку. Значит, если идти от одной штанги до другой, отсчитывая их при этом...

Внезапно что-то круглое подвернулось ему под ногу, и он едва не упал. Было слышно, как этот предмет, вывернувшись из-под ноги, покатился по полу в противоположную сторону. Что это было? Какой-то небольшой цилиндр... может быть, просто мусор... Все же человек сделал несколько шагов туда, куда ему подсказывал звук, затем опустился на четвереньки, положил на миг свою табличку и принялся шарить руками по полу – осторожно, чтобы снова не отфутболить эту штуку. Да куда ж ты, гад, закатился... ага, вот!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.